

Письмо-исповедь,
которое появилось после
моей поездки в Москву
на юбилей Юрия Владимировича
Дуганова, которому исполнилось
27 июля 2001г. - 80 лет.

Дорогие Юрий Владимирович и Ля,
здравствуйте!!!

Право не знаю что и делать! И писать-рука
не поднимается и молчать - не могу: совесть
замучила. Приехал домой. Пересмотрел все,
что я привез из Вас из Москвы и... вдруг,
неожиданно разревелись. Сдали нервы, которые
у меня уже ни к чему. Я не слабый человек.
У меня есть характер, воля. Я прекрасно вижу
цель и понимаю что я хочу, делаю и могу
делать и вдруг... эти слезы? Не странно ли
это? Казалось бы я должен радоваться.

С каждым новым моим приездом к Вам -
я все больше и больше вижу, что наши добрые
отношения, о которых я сам мечтал и хотел,
становятся все лучше и лучше и Вы рады
мне. Особенно, Вы, дорогой Юрий Владимирович
И это - самый большой радост, честь и награда
для меня, как человека. А Вы - Прекрасный

Юбилей, Юрий Владимирович, который прошел
отлично и на высоком уровне - оставил у меня
неизгладимое впечатление. Я был поражен и счаст-
лив за Вас, дорогой мой человек. И пона-
вляю: Вас любят, помнят, чтят люди!
И ~~то~~ что может сделать только один человек,
такой как Вы, дорогой Юрий Владимирович
Дуванов!

И понял еще другое. Я не должен пассивать,
сдаваться. Не имею права. И должен во всем
то не стало нести свой крест и доблести свое
Дело до конца, пока бы это мне не стоило.

Оно нужно людям и особенно нашему под-
растающему, молодому поколению.

работодател, молодому поколению.

Мы все должны знать своих Героев и Память о них (дай Бог Вам здоровья и еще многих лет жизни!) должна жить вечно!

В Ногинске я жалею и проклинаю себя, что до сих пор у меня, как корреспондента, нет видеосъемки, которая могла бы быть

если бы мне по-настоящему уважали наши "дети" и понимали, что я делаю. И хотя я имел фотоаппарат (и заснял все 36 кадров), но мне это ни сколько не радует, что безвозвратно потерял и уникальные прекрасные моменты и то впечатление, что я бы мог иметь и активно показывать в нашем Музее истории агитизма, нашей молодежи, когда Музей все-таки будет. Но... Короче, я был рад, что был у Вас и в Ногинске и за то, что я видел. Так почему, вдруг эти непонятные, дурацкие слезы? Отвечать. Потому, что мне стыдно, больно, тяжело и противно самого себя,

стыдно, больно, тяжело и противно самого себя,
как человека, который вроде прошел свои 70 лет
так, что мог бы смело смотреть людям в глаза,
(я много делал и делаю хорошее), а на поверку,
не могу этого сказать сегодня о себе. Не могу
и не имею права, если у меня есть совесть,
Душа, Сердце ??

Повторю: это страшно и горькая правда.
И мне, мои дорогие друзья, неожиданно стало

страшно. Страшно и больно за то, что я
вроде приличный и неплохой человек, любящий
людей (я рос без родителей) и не могу жить
и делать так, как надо и должно быть в жизни:
глубоко, красиво, уважительно.

И в этом, мне во многом, как это не
странно помогали те люди, которые знали
это я делаю и пытаюсь делать, несмотря ни на
что (Книгу и Музей) - вместо настоящей помо-
щи, хотя она и есть немалого, уважительного
отношения, сами подталкивали меня к пропа-
сти и к тому, что я невольно вынужден
делать и уже начал делать. И делаю это, прокли-
ная и ненавидя себя, как человека, правда

ная и ненавижу себя, как человека, правда
робко и слабо пытаюсь успокоить себя и свою
совесть. Тем, что я делаю все это, во благо самих
людей и главного - нашей молодежи. Ради сох-
ращения Истории, и нашей Тяжелой Атлетики.

Господа! Прости и помилуй меня!
"Что же я такого страшного и преступного

делаю!" - спросите вы меня, если уже сами не дого-
раетесь и не знаете сами.

А вы, дорогие мои, что несмотря на Ваше
вроде бы добродетельное и хорошее ко мне отно-
шение, как собирателю и летописцу нашей
интересной истории атлетизма, как человеку,
который делает это не ради славы (а мне нечем
гордиться), вы, все, как это странно и удивительно
покажется (правда, есть несколько случаев обратного.
Это - П. Первущин, Б. Семизкий, семья В. Хруникова
и еще несколько человек), вроде бы прекрасно
понимая что я делаю, зачем и главное для кого -
на деле делаете все иначе, так что у меня опускаются
руки, мне ничего не хочется делать и я готов прова-

руки, мне ничего не хочется делать и я готов провалиться сквозь землю, от стыда и боли, чтобы больше никогда уже ничего не видеть, не слышать и не знать! Зачем?! Если мы нагами забываем, что мы - люди и зачем живем на земле?!

Ваше непонятное, глухое, а порой даже барское обращение убивает меня и я боюсь или невольно

оказываюсь в положении несчастного и бедного нищего, которому Вы, абсолютное большинство землекопов, из милости подаете подачку, а если называть это своим именем - просто бросаете кошку, как собаке. На! Подавись! Только отстань от нас, старый дурак!

Не знаю, правду ли это Вы сами, но я, дорогой Юрий Владимирович, это чувствую хорошо и прекрасно. Набольшее хорошо, что я стал противен сам себе и из хорошего, теплого человека, который хотел возродить то, что давно уже должно быть претворено в жизнь, но благодаря таким, как: Радзеев, Богдановский,

дара! Также, как: Раисов, Богдановский,
Т. Кошелева, да и Вы, Ю. В. тоже в какой-то
степени и др., так и обстоит делом вои-
нское в шутке и не осуществленные.

И если бы не моя Настыриость, Совесть и даже
Подлость (я кое-что делаю, как жалкий и подлый
ворюшка. Воров я не хочу себя называть) -
иначе Всех Вас ни чем не пробить и не

уведить - то, так бы ничего и никогда не было
сделано. Ибо, ничего пробо и само не делается.
Вы, прекрасно знаете, дорогой и родной Юрий
Владимирович, какой ценный доставались Вам
Воин Победы и что это было Вам.

Так и здесь: в случае с моим Проектом
(созданием Музея и написанием Книги), а
это очень важно и нужно, Городу и России!
Ибо повторяю: само ничего ~~не~~ ~~не~~ ~~не~~ не делается.

Попробуйте-ка собрать материал за 115 лет истории
Трагедии !! Или хотя бы даже за 60-50 лет!
Вы думаете это легко и пробо? Вот с два.

Вы думаете это легко и просто? Вот-то и два.
Тогда самое и с Музеем. Я отказал и поссорился
с кафедрой этнологии академии им. П. Пестеля,
куда сам пришел первым и обратился к ним
за помощью (кто меня хорошо знает и знает),
что верю в добропорядочность этих людей.
Верю, что они, как и я, понимают и хотят всего
этого сами. Но этого не случилось.
Куда там!! Их амбиции оказались правыми

всего. А совесть - почему-то молчала?!
Нам нужен кафедральный музей, а породе
- дело города. Нам - учебное учреждение.
А вы...!! Да. Спорить можно кафедральный
музей нужен. И он давно мог быть, если
бы сама Кафедра этого очень хотела... Но...
Но надо смотреть шире и дальше. Понимаю
ли кого и ли это нужен музей истории этно-
логии вообще? Если только чтобы отпугивать
и побавить хлопоту, то мы сделали это (ах,
какая мы унылые и хорошие!), т.е. для самих
себя и даже студентов - все это (хоть и нужно),
но это не решение такого очень жизненного и
важного вопроса. Если же мы хотим и думаем

важного вопроса. Если же мы хотим и думаем
о Татлестике в целом, о нашем завтрашнем
дне и о молодом поколении, начинаем по теме
жизнь и человек - мы должны делать Музей
города на Каве, а уже потом думать о себе и
карагудинском музее, не забывая в какие не-
проблемные времена для России мы живем.

Есть огромная разница для всего нашего Музея?
Закон и главное для кого. Кто будет туда
ходить. И сколько будет этих людей? 100 человек
студентов или тысячи и тысячи наших наших
ребят, которые на примере наших дедов, отцов,
таких как Вы, Юрий Владимирович, и др.
- будут узнавать историю Татлестики нашей
страны и я уверен, что это обернется для многих
из них тем, чем надо. Познанием и любовью
к жизни, к людям и к своему краю -
любовью к спорту и в первую очередь к нашей
Татлестике тоже. Вот для всего, не забывая,

Т/атлетиче томе. 'Вот где дело, не маи възлед,
нам нуден Музей, коботоро в содмислено и
сбигу не уде 115 лет в ишнем породе. Где
зиродилася Т/атлетиче и где он долден и
мост быти, если бы в том думени и хотени, не
Великий Красовик. И кборни е (не соитибе мени
пестолубуен) нубаюся оборае и сделае не свой
реш и брах, ноти в порде одинокство, где
мне помогают ево долав и собирае те, ко

к нубаю, не то не снени и не одино, не ише
ни какое обнение, но зато прекрасне помини
то такое днение, спорт и заети породе нуден
Музей иборни атлетиче, и кборни в обнени
от тех, кто много говори и не слова горач
ебел за создание Музей - сами ноти мени
не делаю и не хоти делае. помини, кин то
адени труд и каких неров, врекени и не др.
ни то буде ебени. А мение ноти, то не
верт, то ноти то осение.

'Вот е ноти, тогда ноти ебени - берибе все,
а пока е днени, ноти все то буде у мени
дома. И буду смотре сани, кои родени, кои
дети, виуки и друзья.'

Музей и Книга - будут! Будут и никто
нам не помешает в этом - пока я жив!

И если бы это нам и мне не стоило!

Лучше пороть огнем, чем тлеть и рынить,
ничего хорошего не приносая людям! Все.

С огромным уважением,

проклятый Вами, Корхт.

Прощайте!

Р. С. Юрий Владимирович! Даю слово, что

так хочу сделать в этой жизни!

Музей и Книга - будут! Будут и никто
не лишит свои права и честь. И это - правильно, тайно,
дома. И буду смотреть себе, мой родник, мои
дети, внуки и внуки.

И как результат - все, что давило много и
должно было быть и быть Добряшине страны
и человечество - куда-то исчезает безвозвратно,
пропадает и ничего нет и найти невозможно.
Как пример: архив М. Анбасова, Канторовича,
А. Петрова и др. И все благодаря нашему

наплеватьскому, бездушному отношению нас,
людей, друг к другу и нашей истории в частности.
А теперь, дорогой Юрий Владимирович, представьте
себе такую картину. Музей создан и есть.
И Вы входите в него. Вас встречает старинный
Корхов и с радостью и любовью показы-
вает и рассказывает Вам все, что есть в Музее.
Вы видите фрагмент кабинета доктора Ф. Красв-
ского, фрагмент школы, Труды и зал и много
другое. Наконец Вы подходите к стене Ю.В.
Дуганова. На стене висит огромный портрет
геминиона Дуганова (каким Вы были в 50-е годы),
а под стеклом выложены ладони (много всего есть

а под стеклом витрины лежат (много всего есть
медалей Дуганова, 5-10 шт), стоят несколько
ваших кубков, ваши грамоты и еще кое-что др.

А рядом с Вами стоят мажоранки. Они так
увлечены, что не замечают, что рядом стоит тот
самый Дуганов, о котором они сейчас говорят
и любуются. У них блестящие глаза и они
показывают пальцем на ту или иную медаль,

о чем-то шепчутся и не хотят отходить от витрины.

Разве это не здорово?! Не прекрасно.. Разве не об
этом мы с Вами мечтали и хотели?! Разве не
для этого мы создавали и сделали наш Музей?!

И, наконец, разве все это можно сравнить с
тем, Вашим Боговтом, что есть у Вас дома и
лежит мертвым грузом (оно даже не висит на стене!)
и тем же Ваше Самолюбие и Тем, что Вы увидели
в Музее, куда, как бы Вы этого не хотели и не
думали, будут ходить сотни и тысячи мажоранок,
которых я, Корхот, буду приглашать 2-3 ^{раза} в неделю
и счастливым и гордым, буду водить их по залам

и счастливым и торжествующим, буду носить их по залам
Музея, рассказывая о том, кем гр. Богатырев
родился и жил?! Разве это не здорово и не
так должно быть? И это еще не все. Здесь же
лежат альбомы прекрасно оформленные с Вашими
фотографиями и рассказом о Вашей жизни. И
вы, если захотите, все это можете приобрести по
не очень дорогой цене. И вдруг — ничего этого
нет в магазине. Хотя кое-что есть (и здесь свое

роло, сырная моя подлая душошка. Теловес-Воронин
Ибо благодаря моим презабавным советам, под обаянием
ветеринара, лежал кое-кто из Дугинского семейства
и его Славы, но подаренного не самим Великим
Дугинским Музеем, Теловесом и Ахмедом, а только
потому, что есть такой гадинский, подлый и презабавный
человечушко, вроде Корхова, который (уже и
здесь отсохнут руки за это!), будучи принят
и приветен Валей, Юрием Владимировичем, сам,
попытал все нормы морали и этики, без разре-
шения хозяев и потерев валиком стог и совет
утацию несколько прекрасных и так нужных

Музей вещей Дюнаева, которые выставлены
теперь в Музее и восхищают людей, которые
любуются ими. Представьте себе маленького,
который с восхищением смотрит на реликвию Вели-
кого Дюнаева - Богатыря. И никто из них даже
не представлял и не знал с каким трудом, а
главное КАК, все это Бесценное Богатство
оказалось под стеклом витрины Музея и что

это стоило самому Корхову? И какой ценой?
Ценой - собственная совесть и возможно, даже
потерей Труды с самим Дюнаевым!!
И меня, дорогой Юрий Владимирович, уже
совсем не радует то, что есть Музей, а в нем
то, что удалось собрать, такой непомерно тяжелой
ценой. Ценой - потерей собственной совести,
где Вы, дорогой Юрий Владимирович, вместо
того, чтобы сказать мне Спасибо и разделить
вместе с нами грузы и трудности,
общую нашу Радость, что не смогли мы не что
Музей все-таки есть, - брезгливо, прищурив

глаза и показывал не менее пальцем, говорит,
а иногда даже кричит: Взгляните! Взгляните!
Вот он задний, подлый человек, а тогисе
человеческо, который украл у меня все это,
которому я верил и впустил в свой дом!"

И мне становится страшно и больно. Мне,
честное слово, не хочется жить и ничего не
хочется делать. Но я - живу. И живу только

потому, что я ужасно хочу сделать то, что давно
уже должно было быть сделано... и не сделано
такими людьми, которые больше всех бы этим пово-
рили, но так и ничего не сделали. Ибо говорить
и делать - это совершенно разные вещи.

А делать - здесь нужны Ум, Душа и Сердце,
которые не только хотят, но и делают это.

И я вместе с своими товарищами делаем это.
Музей и Книгу "Богатыри города на Неве".
Потому, что мы любим обаять, людей, наших
родных и близких и Вас, дорогой Юрий
Владимирович и хотим жить в этой, не понабе-

Владимировна и хотим жить в этой, не понапуганной
погоде? проклятой Богом жизни, как люди.
Хотим, в том числе и я, быть похожими на Вас,
наших Героев и хоть что-то сделать в жизни
полезное, нужное и Большое. Чтобы я мог
сказать словами Николая Островского: "Я прожил
жизнь не зря и кое-то в ней сделал..."
А он был меньше, как и Вы, дорогой мой
Зеленчук, тоже Герой и Богатырь, которого

я люблю и уважаю. И я живу потому,
что считаю, что несмотря на все, о чем я
Вам рассказал и что я делаю я все-таки
имею Право называть себя Человеком и жить.

Не хочу лезть в политику, в жизнь многих
людей и осуждать их, но поэтому то хочу верить,
что не смерти ни какой нет, я не хочу их.
А так ли это или не так, судить не мы, а
- Вам и людям??

И именно потому, я как не исповедни перед
Богом, пишу Вам, дорогой Юрий Владимировна,
эту горькую и гладкую Правду.

Пусть совершится То, что должно совершиться,
Мы все ходим под Богом! И все-мо Живы!
И я уже ничего не боюсь!

Я не боюсь ни Бога, ни Ващенко Юрия Вла-
димировича, Проклетья!

Ибо знаю, я и мои настоящие Друзья,
которые мне помогают писать Книгу Века

и делать Музей истории атлантиды гор-
но-Иова - поощляют меня, ублажают и
не осуждают.

Они прекрасно знают и поощляют, как
это не просто Все делать, какого адекватного
Труда и времени надо и... не осуждают
меня, поощляют потому я пошел на Это и
кто меня подтолкнул к Этому.

Ибо, сам я - другой человек. Наивный и простой
человек, который верит, что все поймут
земляки (о которых я пишу и ради которых
делаю Музей) и сами, без всех слов, помогут

делю Музей) и сами, без всех слов, помогут
мне в сборе материалов для Книжки и Музея.

Но ничего этого не случилось. И сейчас,
когда я пишу Вам, дорогой Юрий Владими-
рович, может быть свое последнее письмо,
я вдруг неожиданно почувствую еще одну
страшную и ужасно простую ИСТИНУ, о
которой я как-то (за жизнью и делом),
не думал. Люди, как это не страшно

признавать, делают сегодня (раньше это было
как-то меньше заметно) и несколько
категорий.

1-ая. Абсолютное большинство, которое просто
живет, покуда что не их, в собственном
государстве плюс собственное правительство
и отсюда, просто живут так, как могут и как
удается. И меньше всего думают: хорошо это
или плохо. Но к счастью или несчастью, посте-
пенно начинают меняться прямо на глазах.

Они уже начинают понимать, что так жить
нельзя, что это не жизнь и начинают, правда
еще не сильно возмущаясь, спорить и даже
защищать свои права и себя. (И это правильно, товарищи)

Они сегодня походят на потухший вулкан,
который начал проявлять признаки жизни и
может в любую минуту и время проявить
свое страшное извержение. И тогда?!

Не приведи Богород Бог это тогда
может быть...?!. Но это может быть и в этом

мысли забывать ни на одну минуту.

Гнев народа - это, это кнопка в генераторе
президентов страны. Нафкеев... и... Возри...и.

Другая категория - это наша интеллигенция и
служащие. Первых, я убавляю и даже прекращаю
нахожусь перед ними. Среди них есть немало
талантливых, умных и сильных людей, которые
много сделали и продолжают делать для страны и
нас, простых людей, помня где их корни и кто
они сами. Но и большому сожалению, именно в
этой категории, есть абсолютное большинство других
людей. Людей, которые немало много видят

людей. Люди, которые немало много видят
и понимают, много знают, могут много
сделать полезного и нужного всем нам, но не
делают почти ничего - дабы не лишить Бога, а
наоборот тех, у кого и кому они верно служат, а
значит - и зависят от них. И потому, эти люди
(вообще-то немногие и ^{не}глупые) живут не по-нашему.
Ни Богу - слава, ни Гору - коверта. Ни себе -
ни людям. И чтобы удержаться на плаву, не заме-

кал этого сдвиг, начинают жить другим, прикрывая
все это прожектами и не нужным вздором, дабы
очень правдивыми словами.

И наконец... 3-ая категория. Это - новые русские.
И... но хватит! Не хочу больше ничего говорить,
пытаюсь как-то убедить и разубедить Вас, чужого
и Талановитого Теловика, чтобы Вы, дорогой Юрий
Владимирович, как-то пошевелились и дайте, если
это еще возможно, простить нас. Пять - это будет!

1 - устал! Устал! И устал! И если после этого
мнема - не поверю, а дайте поборю Вас (во что я
не хочу верить и не верю), как слово старшего

не хочу верить и не верю), как своего старшего
Друга и Человека - я все равно буду жить (столько
сколько мне отведено Богом, если я сам не выдержу
и не покончу с собой, а если и покончу раньше,
то только из того, что мы - люди, не умеем
жить по-людски и как надо и как подобает
истинному христианину. И так, как надо жить!
И как должно быть! Не умеем! А тогда -
так и не доросем до того (и как наглядное

доказательство и факт:

Потеря и гибель СССР, который имел право
на жизнь! И мог быть, если бы мы - люди,
поинтересовались и доросли до того, но...!!!).

Концовки моего письма просты. Я призываю
в сердца Вас и Бога!

Если можете - просите меня! А если не -
знаете меня, поделу, как и сердечно жить и
умереть проклятым Богом и Вами!

Но я буду биться за то, что я с друзьями
так хочу сделать в этой жизни!

Музеи и Книга - будут! Будут и НИКТО

Музей и Книга - будут! Будут и никто
нам не помешает в этом - пока я жив!

И если бы это нам и мне не стоило!

Лучше пороть озем, чем тлеть и рынить,
ничего хорошего не принося людям! Все.

С огромным уважением,

проклятый Вами, Кэрл.

Прощайте!

Р. С. Юрий Владимирович! Даю слово, что

все, что у меня есть о Вас - я верну,
если Вы любого после моего письма -
захотите. Оно - Ваше!

Но знаю Вас, я верю в Ваш Разум,
в Ваше доброе Сердце и Порядочность
и думаю, что все это добьется мной с
таким трудом и болью - окажется все же
в Музее истории атлетизма в парке
на Неве, где 116 лет тому назад, благодаря
доктору В. Ф. Краевскому зародился первый
кружок атлетизма в России.

Верю, люблю и надеюсь!

Все.

Г. Ю.

Все.

Г. 10.

7.08.2001г.

С. Петербург.

Р. С. Были со С. Сбитневским у нового ректор-
академика кн. П. Веселовского - Тихонякова
Освободил помещение архива и обещал
отдать его под Музей. Я - счастлив!

